

Алла Матвиченко

Хозяйка Волчьего Лога

Алла Матыченко
Хозяйка Волчьего Лога

«Автор»

2026

Матыченко А. В.

Хозяйка Волчьего Лога / А. В. Матыченко — «Автор», 2026

Тринадцатилетняя девчушка - хозяйка старого замка, нищего графства. Зато есть верные враги, необыкновенные друзья и цель - избавить свои земли от давнего проклятья. Главный жизненный принцип - не можешь предотвратить - возглавь.

© Матыченко А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Новый дом. Новый мир.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алла Матыченко

Хозяйка Волчьего Лога

Глава 1 Новый дом. Новый мир.

- Шарк - горшок с похлебкой опустился на выскобленные до белизны доски стола.

Сидящие за ним люди радостно зашевелились, пригнувшись к ароматам мяса и томленной капусты.

Малинка – младшая из кухонной прислуги уже ухватила большой половник и готовилась наполнить горячим варевом каждую из дюжины глиняных мисок, притихших стопкой на краю стола, когда дверь кухни с грохотом распахнулась, явив собравшимся худюшего как сушеная щука детину, небрежно взирающего на весь мир с высоты своего двухметрового роста.

- Их светлость, господин граф требует их светлость миледи немедленно явиться к нему.

- Сейчас поем и прииду. – звонкий детский голос услышали все, кто собрался в этот вечерний час в большой, и самое главное – теплой кухне старого замка.

- Господин граф требует Вашу милость явиться немедленно и станет непременно гневаться, если вы ослушаетесь.

- Голубчик, должна же я покушать – девчушка, сидящая во главе стола поближе к горячей печке, подхватив ложкой кусочек свинины из своей миски отправила его в рот и зажмурившись от удовольствия кивнула замковой стряпухе

– Матушка Иза, твоя стряпня как всегда великолепна. И господину графскому повару с тобой никогда не сравниться.

Народ за столом одобрительно зашумел и дружно застучал ложками. Рассиживаться за столом уставшим за день людям было особенно некогда – завтра вставать на рассвете.

Занятые ужином они вроде как и позабыли о визитере, который все так же продолжал стоять в дверях, сопя от негодования.

- Опять эта мелкая смогла его - Его - Штефа Шоло! Посыльного самой госпожи Малисетты, почти хозяйки этого замка и всего графства унижить, да еще и при всей прислуге. Вот мерзкая девка! Всего- то тринадцать лет от роду, но как скажет это свое - Голубчик, вы мне... , - да еще и глазками своими луп – луп, так и не знаешь, что делать... А людишки замковые все видят, слышат, смеются над ним, кто в спину, а кто и в лицо...

Ну ничего, вот уже скоро все изменится и тогда он покажет этой мелкой ее место и не поглядит, что графская дочка. Да, день-два и все станет по-другому.

Размышляя так, верзила, разодетый в зеленое и желтое – цвета своей обожаемой хозяйки не заметил, как предмет его размышлений оказалась рядом с ним и дернув за рукав немислимо пестро расшитого дублета, явно на потеху собравшимся укоризненно сказала:

- Голубчик, тебя ведь за мной посылали, так я тут жду, а ты все стоишь и стоишь...

Верзила вынырнув из своих мечтаний под сдержанный смех горничных, кухарки и пары конюхов был готов прибить мелкую нахалку, но не рискнул. Девчонку слуги любили и за свою «маленькую хозяйку» могли и, - гм, - удалить из жизни.

Потому-то он развернулся и подхватив со стены зажжённый фонарь, отправился вверх по лестнице, стремясь поскорее уйти подальше от этих неприятных ему людишек. А мелкой «хозяйке» он отомстит чуть позже, вот только дайте выбраться с нижнего этажа замка, подальше от этой черни...

Конечно ничего серьезного дочери графа и хозяина здешних мест он сделать не сможет, ну хоть бы будто случайно наступить на край платья так, чтобы мелкая растянулась на полу... и потом сидела, всхлипывая.

Верзила радостно прихрюкнул, вспоминая, как удачно проделали это месяц назад его молодые господа – сынки обожаемой хозяйки.

Тогда, помнится мелкая не просто очередной раз упала, отбивая свои тощие коленки, а запнувшись за ковер покатила с парадной лестницы, явив всему свету те самые тощие ноги из-под задравшегося до самой головы платья...

Мальчики тогда, стоя на верхних ступеньках отлично повеселились, разглядывая стоптанные башмачки и панталоны своей будущей сводной сестры.

Да и он сам неплохо порадовался, хотя и не долго. В дом вошел этот отвратительный мужлан – старший конюх, и тут же кинулся к лежащей девчонке. На его крик прибежали не только служанки, но из своих покоев выполз сам господин граф.

Хотя конечно, «выполз» - не верное слово. Их светлость, граф Жозеф Амаритис оказался рядом со все еще хихикающими мальчиками яростно крутя руками колеса своей каталки, куда его, обезножившего лет пять назад после тяжелой болезни, усаживали по утрам двое слуг и откуда они же вечером переносили его в постель.

Под его мрачным взглядом дети гостившей вот уже пару месяцев в его доме на правах невесты госпожи Малисетты быстро ретировались, а графскую наследницу, отчего-то все так же лежащую на полу подле лестницы, подняли и на рука отнесли в графскую опочивальню.

Штеф Шол хорошо помнил, как узнав об этом негодовала его хозяйка. Нет, ее не интересовало состояние девочки. Мадам была возмущена тем, что отец приказал устроить дочь в своей спальне и именно туда теперь без конца бегали служанки с водой, каплями и отварами, а ее – Ее, почти хозяйку замка – было велено не пускать. Без всяких объяснений – не велено пускать и все тут. Госпожа тогда помнится так злилась, так злилась.

Девчонка долго не приходила в себя и замковый лекарь провел в покоях графа несколько дней, но потом прислуга радостно зашептала:

- Очнулась, очнулась! Теперь все будет хорошо.

А чего там хорошего, спрашивается? Заглянул он как-то в дверь – лежит она на кровати белая, до синевы, а рядом их светлость в своей каталке сидит. А как его увидел, откуда и силы взялись – даром что уж сколько лет, как онемел, так зашипел, что та змеюка ядовитая и так глянул, что он, Штеф Шол, парень не из робких, несколько дней обходил графские покои стороной.

А девчонка еще несколько дней в постели пролежала, а потом стала понемногу подниматься и бродить сперва по папенькиным покоям, а потом и по всему замку. Только все казалось ему, а глаз у него верный, не зря же госпожа Малисетта его к себе приблизила, что с мелкой что-то не то. Вроде бы девчонка-как девчонка, ну там платье, волосы рыжеватые в косу длинную заплетены, ходит, ест, говорит.

Все как будто как и раньше, вот только бывает идет куда-нибудь в сопровождении служанки – теперь одна из своей комнаты и не выходит, и вдруг встанет, как замрет – и стоит, а потом снова пошла, как ничего и не было. Или запнется и вроде как не знает – куда идти, так служанка, вроде как ненароком ей и подскажет.

Сынки госпожи было взялись по старой памяти ее «привечать», а она вдруг так на них глянула, так глянула. Он рядом с ними был, сам видел – вроде миг какой-то и длилось это – а мальчиков как подменили – весь день в своих покоях просидели – тише воды – ниже травы. И с того дня к будущей сводной сестре не подходят.

И привычки у нее новые появились. Раньше то в саду гуляла, то в комнате сидела – вышивала или что там еще эти девицы делать должны. А теперь – считай целыми днями или в библиотеке сидит или со слугами болтает. Хорошо хоть от сидения в папенькиных покоях госпожа Малисетта ее отучила.

Его госпожа теперь частенько был не довольна своей будущей падчерицей. То, вроде как ради заботы о будущей леди запретила ей на конюшне пропадать, то за столом начинает ругать за плохое знание столового этикета.

Так эта мелкая злыдня вместо благодарности к этой добрейшей женщине стала делать все наперекор – из людской кухни может и полдня не входить.

Госпожа ее наказать решила и приказала выйти из-за стола и остаться без обеда, так мелкая теперь и утром и в обед и вечером есть изволит с прислугой, да еще и кухаркину стряпню, вот как сегодня, нахваливает.

А чернь и рада скалится – «маленькая госпожа» то, «маленькая госпожа» се. Могли бы, так пылинки бы с нее сдували и на рука носили.

А госпоже это не нравится, ох как не нравится. Но ничего, вот через пру дней его обожаемая госпожа наконец-то станет супругой графа и тогда, на правах новой матушки покажет этой гадюке ее мест.

Ушлет, наверное на воспитание в монастырь лет на десять, или в школу где девиц благородных всяким премудростям обучают. А ему, Штефу Шоло все едино, лишь бы от сюда подальше. Стыдно признаться даже себе самому, но боится он эту девчонку, с того самого дня, когда она, едва оправившись от болезни на него так глянула, что до сих пор как вспомнит – мурашки по шкуре пробегают.

Парень шел впереди маленькой процессии и освещая дорогу поднятым над головой фонарем все что-то шептал себе под нос, ни разу ни оглянувшись на шедших за ним следом тринадцатилетнюю девочку и ее старую няньку.

Интерлюдия.

Божечка милосердный, как же болит все тело. Нет сил не то, чтобы шевельнуться, а вздохнуть толком от боли не выходит. К боли ей не привыкать, за всю жизнь натерпелась всякого, но это что-то явно новенькое. И главное, никак не удастся вспомнить, чем таким она могла вчера заниматься, что ее так скрутило.

-Так, надо попробовать вспомнить вчерашний день.

Многолетняя привычка так справляться с болью помогла и на этот раз.

- И так, вчера, вы, уважаемая Екатерина Ивановна весь день провели на даче. В огороде по случаю поздней осени делать было особенно нечего, сидеть на скамейке во дворике было уже холодновато и вы, сударыня предпочли весь день провести у телевизора за рукоделием. Ну да, удалось наконец собраться с силами и довязать свитерок на первый день рождения Васильку. Сын собирался как раз сегодня заехать ее проведать – вот и передаст подарок внуку от бабули.

Мысли привычно текли, возвращая память в пошедший день и боль как-то сама собой отошла на второй план, но, увы – никуда не делась. Она напомнила о себе стоило лишь попытаться повернуть голову. Открыть глаза все же удалось, попытки с пятой. Отчего-то увиденное ее не обрадовало. Перед глазами моталась какая-то, явно пыльная тряпка.

Но самым скверным было другое. Екатерина Ивановна никак не могла сообразить, откуда в ее спальне взялась это незнакомое ей произведение текстильной промышленности.

Увы, боль снова накатила волной и женщина предпочла по старой детской еще привычке снова отдаться на волю воспоминаний и их анализу.

Сколько она себя помнила, а это почти пять десятков лет, боль была у неё частой гостьей. А в детстве вообще казалось, что они будут неразлучны навек.

По крайней мере так единогласно твердили врачи молодой и излишне шепутной мамаше, которая умудрилась закатить с подругами по общежитию вечеринку, совместив три радостных события – сдачу весенней сессии, выход в декретный отпуск и, самое главное – ее ненаглядный наконец все же решился сочетаться с ней законным браком.

Результатом всего вышеперечисленного вполне ожидаемо стали преждевременные роды и появление на белый свет маленькой девочки с большими проблемами со здоровьем.

Услышав диагноз врачей молодая мама не раздумывая написала отказ от ребенка и на следующий же день покинула больницу, даже не дав девочке имени.

И стать бы ей какой ни будь Маней Пупкиной, если бы вообще выжила, когда бы не бабушка и дед.

О планах своей дочурки стать матерью в неполные 19 лет, они, живущие за две сотни километров от вуза узнали из звонка перепуганной подружки их чада и примчались на следующий же день.

Примчались и за пару дней, подключив все связи смогли усыновить собственную внучку, настоять на ее полном обследовании, договориться с одной из столичных клиник и перевести на спецтранспорте малышку туда.

А потом потянулись сначала дни, потом недели – месяцы – годы реабилитации.

Себя, как часть окружающего мира девочка стала воспринимать с тех пор, как научилась узнавать лица людей, чаще всего оказывающихся с ней рядом. Потом пришла очередь различать звуки и всего остального, из чего состоит мир.

И всегда, она это хорошо помнила, с ней были ее Ба и Дед.

Для Ба она всегда была Катенькой, Катюшей, для Деда - Катюней – и не иначе. И этот вариант имени ей всегда нравился больше всего. Может от того, что Деда она любила пусть на чуточку, но больше, чем Ба.

Ее добрая, заботливая Ба не отходила от нее сутками, стоило лишь девочке хоть немного приболеть или просто захандрить.

Дед был другим, по крайней мере внешне. Она в свои пять лет едва стояла на ногах и училась ходить цепляясь за все до чего могла дотянуться сведенными от перенапряжения руками а он, протягивая пакет с мусором говорил – Катюня, сбегай на помойку, выброси мусор. И она, гордясь важным поручением, шла во двор их большого деревенского дома и бросала мешок с мусором в стоящую у крыльца тележку.

Возвращалась в дом, а Дед снова командовал – Катюня – марш мыть руки и бегом на кухню. Наша Ба пироги печь собирается, давай станем ей помогать. И она как могла бодро «маршировала» на кухню и помогала своей любимой Ба месить тесто, чаще всего просто размазывая его по столу, но ею были довольны – девочка отлично это чувствовала и непременно снова рвалась помогать Ба в ее кухонных хлопотах.

Так проходили в их доме выходные. А потом начиналась рабочая неделя и своего обожаемого Деда девочка снова видела лишь рано утром и поздно вечером, специально откладывая на «еще чуть посижу» необходимость идти спать.

К удивлению врачей развивалась девочка не смотря на все свои диагнозы совсем не плохо. Болезнь, как оказалось, наложила свой отпечаток в основном на двигательные функции, практически не затронув ни зрение, ни слух, ни речь.

А движения? Девочка очень рано стала относиться к своим особенностям по взрослому рассудительно. Она быстро поняла, что капризничать, как это делали дети вокруг, Ей не стоит. После этого боли только прибавляется, а ручки и ножки начинает сводить судорогой и Ба, приговаривая и вздыхая снова и снова начинает их массировать.

Читать она научилась рано и практически сама. Благо детских книжек с яркими картинками и крупными буквами в их доме было предостаточно.

День, когда ей исполнилось шесть лет она помнит очень хорошо.

Тогда Дед сделал ей подарок, наверное самый главный за всю ее жизнь. Он подарил ей нож. Никакой ни будь там кухонный ножик, а самый настоящий, охотничий нож в прекрасно сделанных ножнах.

Ба, помнится тогда все причитала – Ваня, зачем, это ведь девочка. А Дед отчего-то немного громче чем было надо сказал, вручая подарок: - Вот, держи, Катюня. Специально по твоей руке заказывал. Подрастешь, закажем побольше, а пока этим пользуйся.

А потом, присев с ней на крылечке дома рассказал, за чем ей нож будет нужен.

- Понимаешь, Катюнь, залезла однажды в тебя болезнь и не хочет уходить. Так давай мы ее из тебя выстрогаем.

И, глядя на замершую внучку объяснил: - Надо выстрогать кораблик, посадить на него болезнь и отправить кораблик плыть в даль далекую.

Только вот кораблик выстрогать ты должна сама. Для этого тебе нож и подарен.

Сказав так Дед протянул ей деревянный брусок, размером чуть меньше его ладони.

- Вот держи, а как что делать я тебе на своей чурочке покажу.

С этого дня сидеть на крылечке и строгать каждый свою чурочку стало их любимым времяпровождением. Тем более, что Дед всегда был готов и поговорить и рассказать девочке что-нибудь новое и захватывающе интересное.

Иногда к ним присоединялась бабушка и тогда их посиделки переносились в сад под старую липу.

Сказать, что работа по созданию кораблика у девочки спорилась было бы сильным преувеличением, но все же она продвигалась.

Держать нож и брусок - заготовку по первости руки у нее отказывались напрочь. Потом все же дело пошло на лад и для этого надо было всего лишь научиться уходить мыслями куда-нибудь подальше, доверяя рукам самим делать то, что надо.

Ее первый кораблик они все вместе пустили в плавание по весеннему ручью через год. Второй уплыл ему вслед той же осенью.

На свой восьмой День Рождения Катюшка под одобрительные возгласы Деда отправила в плавание уже целую эскадру из шести корабликов, оснащенных к тому же мачтами и сшитыми под руководством Ба парусами.

С тех пор надобность в «лечебных» корабликах отпала – видно все Катины болячки художественно уместились на уже сделанных и благополучно уплыли.

В первый класс она пошла той же осенью и через неделю была благополучно переведена сразу в третий класс. Сообщив об этом Ба завуч добавила – Девочка у вас умненькая, хорошо подготовленная, ей и во втором классе скучно будет.

Школу Катя закончила почти со всеми пятерками, а главное совершенно самостоятельно поступила на юрфак в их областном центре. А куда же еще ей было поступать, если с первого своего школьного дня после занятий она бежала в управление милиции и до самого вечера делала там домашние задания, примостившись за столом рядом с дежурным.

Конечно же, она могла их делать и в кабинете у Деда, но ей всегда казалось, что быть в самой гуще дел гораздо интереснее, чем сидеть полдня в кабинете начальника. Да, и пускай грозным начальником был ее обожаемый Дед, но что такое субординация Катюша знала с самого детства и всегда старалась ее соблюдать.

Домой они возвращались чаще всего вместе и Ба, хлопоча усаживала их ужинать. Если Дед задерживался или уезжал из города, то домой ее провожал кто-нибудь из сотрудников.

Больше всего маленькой Кате нравилось наблюдать за работой дежурного, самого главного по ее мнению человека, конечно же после Деда.

Ведь именно к нему первому обращались граждане со своими бедами и проблемами.

И именно он говорил им, как казалось тогда восьмилетней девочке, очень важным голосом – Пишите заявление, - и выдавал бумагу и ручку.

Однажды Катюша, ей тогда уже шел одиннадцатый год, ненадолго оставила свой «пост», выбежав прикупить домой по просьбе Ба хлеба и что-нибудь вкусненькое к вечернему чаю.

Вернувшись она застала у окошка дежурного двух плачущих женщин. Та, что постарше просто плакала, сиди на стуле, а молодая, пыталась сквозь рыдания что-то объяснить сотруднику милиции.

- Катюш, принеси от патрульных гражданке водички - заметив ее попросил дежурный.

А она метнувшись в знакомый кабинет уже через пару минут тронула за рукав «ушедшую в себя» женщину, протягивая пластиковый стаканчик.

Позже дежурный рассказывал, что девочка вдруг замерла, а потом радостно улыбнувшись заглянула в лицо плачущей женщине и сказала:

- Не надо плакать. Ваш сынишка дома.

Ей конечно же не поверили, а девочка снова и снова повторяла двум заплаканным женщинам – Дома он, точно - дома. Он пошутить хотел, стул подставил и залез, вроде как на шкаф и там от вас спрятался, а вы все не шли и он заснул.

Подошедший участковый пошел проводить заплаканных женщин и действительно нашел пропажу, крепко спавшим на старом буфете.

К ней, помнится в тот день не подошел только ленивый и всех в управлении интересовало – откуда она узнала про мальчика. Правду она сказала вечером за ужином только самым близким ей людям.

- Я, когда до женщины дотронулась, то между нами как искорка проскочила и я увидела, как мальчик по ней сучает и ждет, но сидит он вроде как на шкафу или на чем-то похожем.

А тут Митя, наш дежурный ее уговаривать стал, что бы успокоилась, а ребенок ее обязательно найдется. Вот тут у меня все само как- то и сложилось.

Она хорошо помнила как внимательно на нее посмотрел Дед, потом переглянулся с Ба, и сказав

– Вот оно значит как, - вышел из комнаты.

И разговор, который у них потом состоялся она запомнила на всю жизнь.

С того дня она знала, кем станет, когда вырастет – конечно же следователем и никак иначе. А кем может быть прапраправнучка самого знаменитого ведуна войска Донского Ивана Сирого, у которой вдруг проснулся дар «видока».

Первый раз услышав от Деда это слово, помнится она очень удивилась – она и раньше видела все хорошо.

Но Дед объяснил – «Видок» это тот у кого есть дар видеть скрытое, как вот например с тем малышом. Мальчик думал о маме, а она это почувствовала и «увидела».

Удивительно, но за стены управления эта история так и не вышла, хотя было еще несколько случаев, когда Катюша смогла помочь Деду и его коллегам.

Это всегда касалось пропаж – собаки, кошелька, фляги молока с фермы. Отдельно стояло дело о пропаже машины. По Катиной подсказке ее нашли, намертво застрявшей в заболоченной низине.

Оказалось машину взял покататься сынок ее владельца, а набедокурив не нашел ничего лучшего, как уехать из города с друзьями в дальний поход.

К сожалению до конца осуществить свою мечту ей так и не удалось и на службу в МВД ее не взяли – забраковали медики, но адвокат из нее получился вполне успешный и карьеру на этом поприще она сделала очень неплохую.

Но это было уже много позже.

Вот только ее любимые и родные Ба и Дед порадоваться за внучку не успели. Они оба погибли в автокатастрофе через пару дней после того, как их Катюшка получила диплом юриста.

Боль накрыла ее волной дурноты и прервала не надолго поток воспоминаний. Пережив этот приступ она снова вернулась памятью в день их похорон, когда за поминальным столом собрались все такие знакомые и близкие ей люди. И она, стоя с полной рюмкой водки в руке обращаясь к каждому из них вспоминала:

-Митя, помнишь тот день?,

- Николай Палыч, а помните?

– Ольга Ивановна, а вы помните, как однажды ...?

И люди отзывались, поднимались со своих мест и отвечали – Да, Катюш, помню.

-Да, Катенька было у нас такой случай.

А в завершении она подняв рюмку повыше и обведя взглядом собравшихся сказала – У меня больше нет Ба и Деда, но я очень благодарна, что у меня есть все вы – и осушила рюмку, первый раз в жизни попробовав водки.

- Кать, - из-за стола поднялся заместитель и самый близкий друг ее Деда – дядя Паша, - я от имени всех здесь собравшихся даю тебе слово, что мы всегда будем готовы и помочь тебе и защитить. Так что знай девочка, что ты на свете не одна.

И она им поверила и ни разу не разу не пожалела об этом.

А когда, годом позже Димка сделал ей предложение «руки и сердца», на смотрины собралось едва ли не все управление и на свадьбе гуляли все вместе.

Дядя Паша на правах посаженного отца и почти тестя успел шепнуть молодому мужу, что если тот только посмеет обидеть их девочку, то пусть сам на себя и пеняет.

И Димка тогда, помнится торжественно дал слово что никогда ни словом ни делом не обидит свою Катеньку, а если нарушит данное слово, то пусть его... - договорить ему не дала сама Катюша – вот еще не хватало клятвами к себе беду приманивать. Живем и хорошо, а там что будет, то и будет.

И было у них все очень неплохо целых семнадцать лет, пока однажды муж не пришел и не сказал – Кать, я больше так не могу. Я хочу уйти.

И она не стала его удерживать и допытываться – Кто? Где? Когда?

Жили - любили, не хочет больше – зачем пытаться удержать. Сыновья почти выросли. Старший тогда служил в армии, младший заканчивал колледж – жилье имеется, что в рот положить найдем, а остальное – живы будем – пробьемся.

Тем более что Димка, уходя все оставил ей и сыновьям, вернувшись в старую родительскую двушку.

А она? Что она? - говорят, что свято место пусто не бывает и она всю себя отдала работе.

И так жила последние лет восемь – девять, вплоть до вчерашнего дня. А вот сегодня, судя по не проходящей и какой-то «чужой» боли у нее начинается какая-то другая жизнь.

Глаза ей открыть все же удалось. Со второй или третьей попытки, когда на лоб ей плюнулось нечто мокрое и холодное. И кажется даже растеклось по виску и щеке. Хотя, это наверное было и не плохо, потому что боль немного отступила и очертания предметов стали более четкими.

- Гм, лучше чтобы и не становились – заметило ее ехидное подсознание, вместе с хозяйкой наблюдая рядом со своим лицом незнакомого седобородого старичка в ярко-малиновой шапочке так сильно пропахшего чем-то терпко-смолистым, что она не удержалась и чихнула, чем привела старичка в неописуемый восторг.

О чем он радостно сообщал окружающему миру. Катерина Ивановна вроде бы и понимала, но все же общий смысл сказанного этим чудным дедом остался ей не ясен.

Зато ей очень понравилось то, чем он ее чуть позже напоил. Это был явно сок то-ли яблока, толи персика, чуть сладковатый с легким послевкусием мяты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.